

ГОВАРД

ΛΑΒΚΡΑΦΤ

ГОВАРД
ЛАВКРАФТ

Зов Ктулху

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44
Л13

Серия «Зарубежная классика»

Howard Phillips Lovecraft
THE CALL OF CTHULHU

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Лавкрафт, Говард Филлипс.

Л13 Зов Ктулху : [сборник : перевод с английского] / Говард Филлипс Лавкрафт. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 576 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-108337-3

Лучшие произведения Лавкрафта.

Они бесконечно разнообразны и многогранны. Одни относятся к классическому «черному неоромантизму», другие — к викторианской литературе ужасов. Но в каждом живет гений писателя, подарившего нам лишь на шаг отстоящий от реальности причудливый мир «богов-демонов» — подводного Ктулху и безликого Азатота, таинственного Шуб-Ниггурата и великого Йог-Сотота.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Перевод. В. Бернацкая, 2012
© Перевод. Ю. Любимова, наследники, 2012
© Перевод. Ю. Соколов, 2012
© Перевод. О. Колесников, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ИЗГОЙ

Барон всю ночь ворочался в постели;
Гостей подпивших буйный пляс томил
Чертей и ведьм — и в черноту могил
Тащили их во сне к червям голодным.

Джон Китс*

Несчастен тот, у кого воспоминания о детстве вызывают лишь страх и печаль. Жалок тот, кто, оглядываясь на прожитую жизнь, видит лишь долгие часы уединения в огромных мрачных залах с тяжелыми портьерами и рядами навевающих тоску древних книг или лишь бесконечные бдения в сумеречных рощах, среди наводящих благоговейный ужас огромных, причудливых, оплетенных лианами деревьев, безмолвно тянущих в вышину искривленные ветви... Такой участью наделили меня щедрые боги — быть одиноким и отвергнутым, сломленным и сдавшимся. Но я отчаянно цепляюсь даже за эти блеклые воспоминания, когда мой рассудок стремится умчаться куда-то за пределы нашего мира.

Не знаю, где я родился, память хранит воспоминания только об этом замке, бесконечно древнем и безмерно ужасном, с мрачными проходами и галереями, с высокими потолками, на которых глаз может узреть лишь какие-то тени и паутину. Камни разрушающихся коридоров выглядят так, будто всегда были покрыты мерзкой сыростью, и повсюду здесь этот проклятый запах — будто только что догорел погреб-

---

* Перевод С. Сухарева. — *Здесь и далее примеч. переводчиков.*

бальный костер ушедших поколений. Здесь никогда не бывает светло, и потому я иногда зажигаю свечу, чтобы полюбоваться пламенем, а солнечный свет мне видеть не доводилось, поскольку кошмарные деревья, поднявшиеся выше башен, закрывают его. Правда, одна черная башня вздымается выше леса, достигая вершиной открытого неба, но она частично разрушена и подняться по ней почти невозможно, — разве что карабкаться по отвесной стене, цепляясь за камни.

Я провел здесь многие годы, но не знаю, сколько именно, ибо не отмечал хода времени. Наверное, кто-то заботился обо мне, но я не видел никаких других живых существ помимо крыс, пауков и летучих мышей. Тот, кто меня нянчил, видимо, был ужасающе стар, ибо первое, что приходит мне в голову при мысли о человеческом существе, — некая пародия на меня, нечто перекошенное, ссохшееся и зачахшее, как этот замок. Кости и скелеты, встречавшиеся в каменных склепах глубоко под землей, воспринимались мною как нечто совершенно обыденное. В моем представлении они имели гораздо большее отношение к реальной жизни, чем те существа, о которых я знаю лишь по цветным изображениям в древних книгах. Из этих книг я и знаю все, что мне известно о мире во круг. У меня не было учителей или наставников; за все эти годы я ни разу не слышал человеческого голоса — даже собственного: хотя я умею читать, мне никогда не приходило в голову делать это вслух. О своем внешнем виде я мог только догадываться — зеркал в замке не было, и я представлял себя похожим на молодых людей, изображенных в книгах. Я ощущал себя молодым, потому что помнил так мало.

Я часто перебирался через ров с гниющей водой к мрачным тихим деревьям, под которыми лежал и грезил о прочитанном в книгах; обычно при этом я представлял себя находящимся в многолюдном солнечном мире, лежащем за бескрайними лесами. Однажды я

попытался сбежать, пробравшись через лес, но стоило мне удалиться от замка, как сумерки сгустились, воздух становился все более пропитанным ужасом, и потому я опрометью бросился назад, боясь затеряться в лабиринте мрачного безмолвия.

Так я жил, мечтал и ожидал чего-то в этом нескончаемом полумраке — сам не зная, чего ожидаю. И наконец, истомленный одиночеством в сумраке, я уже не смог сдерживать страстное стремление к свету и воздел с мольбою руки к той единственной черной полуразрушенной башне, что поднималась над лесом в неведомое небо. Я решился взобраться на эту башню, даже рискуя разбиться; уж лучше увидеть небо и погибнуть, чем существовать, не увидев ни разу дневного света.

В промозглых сумерках я взбирался по древним выщербленным ступеням, пока не достиг того уровня, где они заканчивались, и там, невзирая на опасность, продолжил подъем, используя углубления и выступы на стене. Ужасным и зловещим был этот мертвый, лишенный ступеней каменный цилиндр, черный, полуразрушенный и заброшенный, кажущийся еще более зловещим от бесшумно пролетающих время от времени нетопырей. Но еще более ужасным и зловещим было мое медленное продвижение, ибо сколько я ни лез, тьма над головой не рассеивалась, и озноб начал сжимать меня ледящей хваткой. Я дрожал, терзаясь догадками о том, почему не становится светлее, и не смея поднять глаза. Беспokoясь, что, возможно, уже настала ночь, я то и дело шарил рукой в поисках амбразуры окна, чтобы посмотреть и оценить, как высоко я взобрался.

И наконец, после целой вечности крайне рискованного подъема вслепую над пропастью по вогнутой поверхности, я коснулся головой чего-то твердого и понял, что достиг крыши, или, по крайней мере, какого-то перекрытия. Я поднял в темноте руку и, потрогав преграду, убедился, что она каменная и неподвиж-

ная. Тогда я стал двигаться по окружности башни, цепляясь за все, за что удавалось ухватиться на склизкой стене, до тех пор пока, подняв руку, не обнаружил, что преграда слегка поддается, и там снова попытался подниматься, упираясь в преграду головой, поскольку обе руки у меня были заняты. Никакого света сверху я не увидел, и, оперевшись локтями в горизонтальную поверхность, понял, что мое восхождение еще не закончено, поскольку ощутил каменный пол наблюдательной площадки, большей по диаметру, чем сама башня. Я осторожно закончил пролезать через люк, стараясь не позволить тяжелой крышке упасть обратно, но последнее мне не удалось. Я в изнеможении лежал на каменном полу, с эхом стука от хлопнувшего люка в ушах, и надеялся, что смогу открыть его снова, когда это понадобится.

Будучи уверенным, что уже поднялся на огромную высоту, выше проклятого леса, я заставил себя подняться на ноги и принялся на ощупь искать окно, чтобы впервые увидеть небо, луну и звезды, о которых прежде только читал. Но повсюду меня ждало разочарование, поскольку вокруг были только широкие полки из мрамора, заставленные ящиками пугающе большого размера. Снова и снова я задавался вопросом, какие же древние тайны скрываются здесь, в вышине, бездну времени отделенные от замка внизу? Затем вдруг мои руки нашарили дверной проем с каменной дверью со странным рельефом. Попытавшись открыть ее, я обнаружил, что она закрыта; но, преодолев крайнюю усталость, вложив в рывок все остатки сил, смог заставить ее открыться. Сразу же после этого безмерный восторг охватил меня, ибо сквозь узорную железную решетку, к которой поднимался короткий пролет каменной лестницы, светила полная луна, которую прежде я видел только во снах и в тех смутных видениях, которые не осмеливаюсь назвать воспоминаниями.

Теперь уже не сомневаясь, что достиг верхушки башни, я бросился вверх по ступенькам; но вдруг луна скрылась за облаком, и в наступившей тьме я замедлил шаги. Было все еще темно, когда я на ощупь добрался до решетки. Она оказалась незапертой, но я не решился отворять ее, боясь сорваться и упасть с той головокружительной высоты, на которую поднялся. Затем луна появилась.

Наибольшее потрясение вы испытываете, когда видите что-то беспредельно неожиданное и до нелепости невероятное. Никогда прежде я не испытывал ужаса, сопоставимого с тем, который испытал, увидев в тот миг совершенно абсурдную картину. Сама по себе она была вполне заурядной и тем самым более ошеломительной, ибо увидел я вот что: вместо головокружительного вида с огромной высоты на верхушки деревьев вокруг меня, на том же уровне, на котором я стоял, простиралась ровная земная поверхность, над которой возвышались мраморные плиты и колонны, стоящие в тени древней каменной церкви, остатки шпиля которой призрачно поблескивали в лунном свете.

Почти не сознавая своих действий, я отворил решетку и, пошатываясь, ступил на белую гравиевую дорожку, ведущую отсюда в двух противоположных направлениях. Мой разум, даже в таком потрясенном и взвинченном состоянии, по-прежнему неистово рвался к свету, и даже невероятное чудо не могло сбить меня с пути. Я не знал и не желал знать, что со мной случилось — безумие это, сон или колдовство, — но желал, чего бы это ни стоило, узреть великолепие и блеск окружающего мира. Я не знал, кто я, что я, чего меня может окружать, но, следуя вперед, вдруг ощутил что-то вроде спавшей до сего момента памяти, благодаря чему мой дальнейший путь не всегда определял случай. Миновав плиты и колонны, я проследовал под аркой и пошел через луг по дороге, местами хорошо заметной, местами настолько терявшейся в траве, что

лишь замшелые камни выдавали, что когда-то она здесь проходила. Один раз мне пришлось переплыть быструю речку в том месте, где остатки древней каменной кладки свидетельствовали о давно исчезнувшем мосте.

Еще через два часа я наконец добрался туда, куда стремился — к увитому плющом замку посреди запущенного парка, до безумия знакомого и в то же время удивительно странного. Я увидел, что вода заполнила ров, а некоторые из хорошо знакомых мне башен совсем исчезли, но в то же время оказалось пристроено новое крыло — словно специально чтобы смутить прежнего обитателя. Но наибольшее изумление вызвали распахнутые окна, из которых наружу лился яркий свет и доносились звуки веселой пирушки. Заглянув в одно из них, я увидел компанию странно одетых людей, ведущих оживленную беседу. Я никогда прежде не слышал человеческой речи и мог только догадываться, о чем они говорят. Черты лиц некоторых из них казались мне смутно знакомыми, другие воспринимались полностью как чужаки.

Тогда я шагнул через низкое окно в освещенный яркими огнями зал, и это оказался шаг от мимолетного проблеска надежды к чернейшей бездне безысходности и отчаяния. Едва я вступил в зал, в нем воцарился кошмар, ибо мое появление произвело такое впечатление, какого я никак не ожидал. Как только я переступил через подоконник, всех собравшихся здесь охватил внезапный непонятного происхождения ужас, исказивший их лица и заставивший почти каждого издать вопль. Началось всеобщее паническое бегство, некоторые упали в обморок, но их уволокли безумно спешащие убраться отсюда приятели. Многие слепо и беспомощно метались, закрыв лицо руками, в поисках спасения, опрокидывали мебель и натыкались на стены, прежде чем наконец попадали в одну из многочисленных дверей.

Крики шокировали меня; и пока я стоял один в залитом светом опустевшем зале, ошеломленный, прислушиваясь к затихающим воплям, меня посетила трепетная мысль, что рядом со мной есть нечто ужасное, чего я сам не замечаю. На первый взгляд зал показался мне совершенно пустым, но когда я двинулся к одному из альковов, мне почудилось там какое-то движение — за золоченой аркой дверного проема, ведущего в другой, почти такой же зал. По мере приближения к арке присутствие еще кого-то становилось все более явным; а затем, когда первый и последний звук вырвался из моей груди — ужасное завывание, почти столь же омерзительное, как и то, что стало его причиной, — я узрел со всей ошеломляющей ясностью то невообразимое, безобразное, неопишное чудовище, которое одним своим видом превратило веселую компанию в обезумевшую толпу спасающихся бегством.

Я не в силах даже приблизительно описать, как оно выглядело, ибо это была смесь всего самого нечистого, ненормального, неприятного, извращенного и гадкого. Это было омерзительное воплощение упадка, разложения и гниения; ужасное воплощение всего того, что милосердная природа старается упрятать поглубже. Видит Бог, это было существо не из этого мира, — или, во всяком случае, не из *этого* мира, — и все же, к своему ужасу, я уловил в его изъеденных до костей контурах злобную, отвратительную пародию на человеческий образ, а в гнилых лохмотьях, служивших ему одеянием, что-то знакомое.

Я оказался почти парализован, но не настолько, чтобы не совершить попытку к бегству: робкий шаг назад, который не смог разрушить сковавшие меня чары безмолвного безымянного монстра. Мои глаза, словно заколдованные уставившимися в них мерзкими зрачками, отказывались закрываться, как я ни старался, но милосердно затуманились, и страшное существо стало видно не так отчетливо. Я попытался поднять

руку, чтобы закрыться от его взгляда, но из-за паралича рука не полностью подчинялась мне. В результате этой попытки я потерял равновесие и шагнул вперед, чтобы не упасть. И сразу же с ужасом осознал, как близко нахожусь от этой жуткой твари; мне показалось, что я слышу ее мерзкое дыхание. Почти обезумев от страха, я выставил вперед руку, защищаясь от зловонного призрака, стоящего ко мне почти вплотную; и тогда мироздание содрогнулось, сотрясаемое судорогой омерзения, когда мои пальцы соприкоснулись с протянувшейся ко мне лапой чудовища, стоящего под золоченой аркой...

Это вскрикнул не я, но все кровожадные вампиры, что несутся, оседлав ночной ветер, вскрикнули за меня, когда на мой разум обрушилась лавина душегубительных воспоминаний. В следующую секунду я знал все, что было прежде; я вспомнил, что было со мной до того, как я очутился в мрачном замке, окруженном лесом, и узнал частично изменившееся здание, в котором сейчас находился; и что самое ужасное — я узнал то безобразное существо, что злобно пялилось на меня, когда я отдергивал запятнанные пальцы от его руки.

Но мироздание включает в себя не только горечь, но и лечебный бальзам, и бальзам для меня — то, что память сглаживает воспоминания и убирает из них самое страшное. В непереносимом ужасе того мгновения я забыл, что именно потрясло меня, а проблески страшных воспоминаний поглощает хаос мелькающих образов. Грезя наяву, я убежал прочь от громады чуждого замка и мчался быстро и беззвучно в лунном свете. Вернувшись на кладбище с мраморными плитами, я спустился по ступенькам и убедился, что не способен открыть каменный люк; я не огорчился, ибо уже давно ненавидел древний замок и окружающие его деревья. Теперь я летаю, оседлав ночной ветер, вместе с насмешливыми и дружелюбными вампирами, а днем веселюсь в катакомбах Нефрен-Ка в потаенной и не-

доступной долине Хадоф возле берегов Нила. Я знаю, что свет — не для меня, разве что лунный свет, падающий на каменные надгробия Неб; и веселье — не для меня, разве что не имеющие названия пиры Нитокрис под Великой Пирамидой; и все же в моей новообретенной свободе я почти рад горечи отчуждения.

Ибо несмотря на дарующую успокоение особенность памяти мне не удастся забыть, что я изгой; я чужак в этом столетии, среди тех, кто все еще люди. Я осознал это в тот момент, когда протянул пальцы к мерзкому изображению в богато позолоченной раме — протянул пальцы и коснулся холодной жесткой поверхности полированного стекла.

КРЫСЫ В СТЕНАХ

Я переехал в Эксгэмское приорство 16 июля 1923 года, как только последний из рабочих завершил свои дела. Реставрация оказалась сложнейшим делом, ведь от заброшенного сооружения остались одни только стены. Но здесь жили мои предки, и я не считался с расходами. Дом оставался необитаемым со времен Иакова Первого, когда ужасная, но во многом непонятная гибель поразила сразу хозяина дома, пятерых его детей и нескольких слуг; третий сын владельца, окутанный облаком подозрений и ужаса, бежал отсюда. Он, единственный уцелевший из всей проклятой семьи, и стал моим прямым предком.

Единственный наследник был объявлен убийцей. Все владения отошли короне, но подвергшийся обвинению не стал пытаться обелить себя и не предпринял никаких попыток к возвращению своей собственности. Одолеваемый ужасом, куда более сильным, чем разум или закон, с одним только желанием на устах — не видеть старинного дома и не слышать о нем, Уолтер де ла Поэр, одиннадцатый барон Эксгэмский, бежал в Виргинию и там основал семейство, в следующем столетии звавшееся именем Делапор.

Приорство Эксгэмское осталось без хозяина. Впрочем, позднее оно было присоединено к владениям лорда Норриса. Приорством интересовались: в архитектуре его странным образом объединились разные стили — готические башни высились на саксонском и романском основаниях, фундаменты же покоились на еще более раннем смешении ордеров — римского, друидического и даже местного кимврского, если не

врут легенды. Подобное смешение представляло великую редкость. Другой стороной приорство лежало на прочном песчанике и выходило к уединенной долине в трех милях к западу от деревни Анчестер.

Архитекторы и антиквары просто обожали этот невероятный памятник забытых столетий, но деревенский люд ненавидел его. Селяне ненавидели приорство все те сотни лет, когда в нем жили мои предки, ненавидели и теперь его заросшие мхом и заплесневевшие камни. Я не успел провести в Анчестере даже дня, как сразу узнал, что происхожу из проклятого рода. На этой неделе рабочие взорвали дом и теперь ровняют с землей фундамент его. Даты жизни моих предков известны мне были всегда, помнил я и то, что первый американец в моем роду появился в колониях, окутанный странными слухами. Подробностей, конечно же, я не знал, в отличие от соседей-плантаторов — Делапоры всегда были скрытны в этих вопросах. Мы редко хвастали предками — крестоносцами и прочими героями Средневековья и Ренессанса, не существовало у нас и семейных преданий. Кое-что, правда, содержалось в запечатанном конверте, который в предшествующие Гражданской войне времена каждый сквайр оставлял старшему сыну для прочтения после смерти. И нам хватало почестей, заработанных после миграции гордой и достопочтенной, пусть несколько замкнутой и необщительной виргинской ветвью нашей семьи.

Но во время войны состояние наше погибло, а весь образ жизни претерпел изменения, после того как сожжен был Карфакс, наш дом на берегу Джеймс-ривер. Мой дед, человек преклонного возраста, не смог пережить гнусного поджога; с ним погиб и конверт, связывавший нас с прошлым. Даже сегодня помню этот пожар, хотя мне было только семь лет; помню, как орала солдаты-конфедераты, визжали женщины, как выли и молились негры. Отец мой находился в армии, он оборонял Ричмонд, и после многих фор-